



М. АДЛЕР*

Владимир Ильич Ленин

От редакции «Красной Нови».

Статья Макса Адлера переведена из № 3 «Der Kampf». Адлер принадлежит к соглашательскому крылу Интернационала 2/2. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на ряд совершенно ошибочных суждений его о т. Ленине. Но тем знаменательнее та общая оценка, которую дает автор т. Ленину. Редакция считает полезным ознакомить читателей «Красной Нови» со статьей М. Адлера.

1

21 января 1924 года в маленьком местечке под Москвой скончался человек, весть о смерти которого потрясла во всем мире всех, как противников, так и приверженцев, впечатлением стихийной катастрофы: Ленин мертв! Ленин — на вершине своей исторически-мировой работы — скончался. Это казалось как бы крушением некоей могучей стихии, разрушительной силы которой боялись одни и ей противоборствовали, другие же с восторгом познали в ней силу, которая могла освободить жизнь для новых путей. И эти противоположные ощущения и у могилы великого вождя мирового пролетариата пробудили тот же спор и борьбу мнений и оценок, возникавших еще при жизни Ленина во все решительные моменты его деятельности.

Вокруг его облика неизменно бушевала страстная борьба мировоззрений; неизменно его личность, его речи и писания были подобны знамени, подъятому для безошибочного указания опреде-

* *Макс Адлер (1873–1937) — австрийский философ, социолог и педагог, один из лидеров австрийской социал-демократии, теоретик австромарксизма и неокантианского «этического социализма».*

ленного пути, для неустанного преследования одной цели: линии революционной классовой борьбы пролетариата, конечного дела марксизма: победы над классовым обществом.

В этом — не было никогда колебаний ни в его сердце, ни в его сознании — он был живой стрелкой магнита, которая никогда не могла отклониться от своего направления в сторону социализма, ибо его социалистически-революционное мышление, почерпнутое у Маркса и Энгельса, наполняло его и влияло на всю его духовную сущность, подобно тому, как земной магнетизм влияет на стрелку компаса. Этого нетеряемого и никогда не покидавшего его ощущения пути к социальной революции одного было достаточно для определения исторической роли Ленина, как великого народного борца за марксистский социализм, если бы он даже и не был в дальнейшем одним из могущественнейших двигателей пролетарской классовой борьбы, доведенной им до той стадии, в которой, как никогда ранее, он должен был обрести отчетливое ощущение своих социально-революционных устремлений.

Ибо, в противовес современным политическим теориям о развитии классовой борьбы, Ленин впервые выявил политические методы пролетариата в их принципиальных различиях от буржуазно-демократического мышления. При таком значении Ленина, которое неизбежно должно было обострить классовую борьбу, нет ничего удивительного, — напротив, естественно, — что влияние его личности и после смерти заставило вспыхнуть страстные противоречия в его оценке, ибо это было тем же противоречием классов, в борьбе меж которыми Ленин принял такое громадное участие.

Ненависти и озлоблению буржуазии противопоставлялась соответственно любовь, обожание и благодарность другого класса, класса пролетариата. Но вот здесь-то, у гроба этого великого двигателя истории, выявляется ужасающий и одновременно смущающий факт, что критика и оценка Ленина в социалистическом лагере, внутри самого пролетариата, которому Ленин посвятил всю свою горячую жизнь и неустанную работу, которому он отдал свою мысль и труд в условиях лишений, опасностей и жертв с ранней своей молодости, — носит не менее страстный и ожесточенный характер, чем у врагов пролетариата. В то время когда миллионы рабочих и крестьян в России превозносят и прославляют имя Ленина, как своего освободителя, и совершают паломничество к его могиле, как к святому месту, в то время как за пределами России сотни тысяч пролетариев преклоняются перед ним и обожают его, как героя и прообраз социального революционера, — другие миллионы о нем почти ничего не знают, кроме того, что он — вождь

русского большевизма, которому они не доверяют и которому они должны не доверять тем в большей степени, чем бессмысленное ослабляющее рабочее движение поведение так называемых коммунистических партий вне России, постоянно ссылающихся на его авторитет. Таким образом случилось, что для многих, особенно для вновь вступивших в ряды социал-демократии, название «коммунизм» стало почти чуждым, даже враждебным, им не было понятно, что всякий настоящий социал-демократ одновременно является коммунистом и должен быть таковым, — и в силу этого «коммунист» Ленин стал им чем-то чужим, враждебным, вместо того, чтобы каждый классово-революционный пролетарий при полном сохранении права идти своими путями и иметь свои личные мнения, должен был в деятельности Ленина взволнованно и с увлечением почувствовать прежде всего неслыханное и историческое проявление своего собственного революционного духа.

Как получилось такое расхождение воззрений, такое неестественное противоречие в природе пролетарской классовой борьбы?

Это вопрос, который может прозвучать и в некрологе Ленину, ибо ответ на него может быть дан не только там, где до сих пор одни лишь партийные страсти диктуют оценку; постановкой такого вопроса легче выяснить историческую ограниченность этой пролетарской враждебности к Ленину и одновременно ясно указать пределы его непосредственной исторической деятельности.

2

Ответ на наш вопрос должен быть следующий: во враждебности к Ленину в пределах пролетарской классовой борьбы не проявляется только простое личное чувство, но выступает нечто иное, именно кризис самого социализма, кризис, возникший с момента развала Интернационала в начале войны, или, вернее, превратившийся тогда из давно уже скрытого и ползучего в явный.

Этот кризис в значительной мере является кризисом самой пролетарской духовной жизни и поэтому плохо выражен популярными противопоставлениями реформизма и революции. Это обозначение характеризует, конечно, весьма значительные и явные элементы этого противоречия, но оно слишком чревато недоразумениями, которые привели как с одной, так и с другой стороны к пагубным самообманам, и способно затемнить то настоящее противоречие, которое происходит при кризисе социализма.

Ибо, если радикализм, вследствие своей «принципиальной» борьбы против оппортунизма, чувствует свое превосходство перед «компромиссным» реформизмом и если, с другой стороны, этот

последний упрекал первый в доктринерстве и отсутствии понимания практической политики, — пусть правы оба или неправы, — во всяком случае, соревнование это не решало вопроса, на чьей стороне был тот революционный дух, который живым основным настроением должен господствовать над каждым выступлением пролетариата и в духовной своей сущности должен противопоставить себя буржуазному государству и капиталистическому обществу, в оковах которого физически он еще пребывал. Имей это место, — он мог бы беззаветно изменять тактику своей непосредственной политической и экономической борьбы, принаравливая ее к текущим обстоятельствам, как этого требовал «оппортунизм»; не имей он места, — тогда даже самое принципиальное марксистское утверждение обозначало бы не что иное, как лишь простую словесную болтовню. Последняя, однако, является особенностью современного социализма у очень значительной части пролетариата всех стран, который из политических и экономических соображений, — здесь мы их ближе не можем касаться, впрочем, они достаточно часто приводятся, — вместо того, чтобы жить в пролетарской революционной идеологии, направленной к уничтожению существующего положения рабочих, живет типичной мелкобуржуазной идеологией, которая направлена исключительно на улучшение существования рабочего. Но при таком исповедании дух социализма утерян и стал бездушным, без воодушевляющего подъема, а потому и без внешней притягательной силы для молодежи; — таков социализм ныне везде, где он продолжает идти по старым путям.

Именно в этом противоречии между бездушным социализмом и социализмом, в котором горит горячая душа «практики переворота» Маркса и Энгельса, душа социальной революции — именно в нем лежит подлинная причина сегодняшнего раскола и слабости социализма. И вот Ленин, в противовес указанной слабости, являлся гигантским воплощением этой пламенной души социализма, этой беспокойной и всегда бодрствующей «практики переворота». И именно поэтому ему было чуждо это столь обыденное и ничего не выражающее противоречие между доктринерским радикализмом и реально-политическим реформизмом. Ибо не было более крупного и смелого реального политика, чем Ленин, не было более строгого и беспощадного врага пустой революционной фразы, равно как и всякого закостенелого радикализма, и в то же время не было более фанатического приверженца социальной революции. Так, мы читаем у него: «Недостаточно быть революционером и приверженцем социализма или быть только коммунистом. Нужно уметь в любой момент найти особое звено

цепи, чтобы ухватиться за него со всей силой, дабы удержать всю цепь и подготовить перехват следующего звена». В другом месте он пишет: «Выразить свой “революционный дух”, только браня парламентарский оппортунизм, только отвергая свое участие в парламентаризме, — дело легкое, но именно потому, что это легко, это не является разрешением трудной задачи». Ленин никогда не отделялся простой формулой в вопросах парламентаризма и участия в буржуазном правительстве, борьбы с империализмом, в вопросах внешней политики, в вопросах милитаризма и войны. Излюбленная ныне фраза, что современный социализм не может быть таким же, каким он был во времена Маркса, ибо за это время для пролетариата возникло так много новых положений и задач, «о которых Маркс ничего не знал», — эта фраза не может быть здесь применена там, где речь идет об устремлении реальной политики Ленина, направленной именно к тому, чтобы новыми методами революционной классовой борьбы разрешить эти новые положения и задачи.

Конечно, эта реальная политика была возможна лишь потому, что ее пронизывал пыл революционной воли, и отсюда проистекала захватывающая сила, способная спор в собственной партии превратить в захватывающую убедительность. Для этой основной линии, превращающей простую тактику прежде всего в социально-революционную энергию, Ленин дал, еще в пору своей эмигрантской жизни в Швейцарии, правда, некрасиво звучащее, но чрезвычайно выразительное и внушительное определение — именно «профессионального революционера». Только в пору капитализма, который из каждой профессии сделал «гешефт» и не отделял, в силу этого, одного понятия от другого, и, говоря о выполнении одной профессии, подразумевает только «гешефт», — только в эту пору высокий и идеалистический смысл этого определения Ленина мог быть не понят или даже получить презрительное толкование. Но ощущение революции, как профессии, было не чем иным, как возрождением великого марксистского осознания исторической роли пролетариата при созидании нового общества, — было не чем иным, как одухотворенным указанием Лассаля на высокое историческое назначение рабочего класса. Быть профессиональным революционером — это призыв к каждому пролетарию быть во всех своих помыслах, чувствах и деятельности тем, чем назвал его уже «Коммунистический Манифест», — могильщиком сегодняшнего и пионером будущего общества.

Это означает, что каждый пролетарий, который действительно хочет обрести право на историческое почетное звание социалиста, должен быть проникнут во всякое время и везде, — т. е. не только

в больших политических действиях и профессиональной борьбе, но и в своей повседневной мелочной работе и во всем своем жизненном поведении, — чувством ненависти и презрения ко всей буржуазной организации и воззрениям, как это возможно лишь там, где в пределах буржуазного мира чувствуешь себя не дома и поэтому не хочешь в нем устраиваться прочно. Солдат во вражеской стране постоянно готов «по призыванию» к нападению, — таков и профессиональный революционер. Таким профессиональным революционером был Ленин: — для него борьба с капитализмом и империализмом против буржуазного классового государства, а равным образом и против обуржуазивания мыслей и чувств в самом пролетариате, была призыванием, наполнявшим всю его жизнь и превращавшимся в профессию служения пролетариату и развитию более высоких форм общественной жизни. Поэтому его фигура возвышается над несчастным расколом в пролетариате, как пример, который должен быть дорог каждому революционному пролетарию; тем более должна она быть таковой, ибо убеждения Ленина, — как только они станут всеобщими, — содержат вернейшую гарантию возрождения единства пролетариата и его Интернационала.

3

Надо установить, таким образом, раз навсегда настоящее социалистическое значение Ленина, именно в деле развития революционного классового духа пролетариата, которое нельзя устранить никаким партийным спором, спором социалистических партий, могуче раздутым Лениным, спором, который неоднократно мог затемнить истинное значение Ленина, ибо он сам поставил очень внушительные пределы его проявлению, так что часто спор этот вредно влиял на развитие социализма вне России. Но и тут это мнение должно понести весьма значительные поправки, если только оно не останется в том плане мышления, которое привело к кризису социализма, но станет на почву социал-революционного классового мышления пролетариата. Тогда не только будет дана справедливая оценка Ленина, — что не имеет такого уже значения, ибо сама история исправит ошибочную оценку, — но тогда придет к собственному лучшему постижению его личности и к пониманию современного социализма.

Несомненно, странным и полным противоречий останется то обстоятельство, что Ленин, который был столь неслышанно верным тактиком в русской революции, заставлявшим поражаться по праву его почти баснословному инстинкту в ощущении необхо-

димости момента, сделал такую чреватую последствиями ошибку в отношении социалистической тактики за пределами России, именно хотел управлять ею из центра, из Москвы, и притом лишь теми методами, которые применялись в России. Это тем более удивительно, что именно Ленин постоянно учил, что тактика социализма не везде носит общий характер и ее нельзя установить навсегда, но что она должна проистекать из существующих условий. Он сам еще до революции поставил для себя требование признать своеобразный характер русской тактики. Так, он заявил однажды (1905 г.) на попытку Бебеля примирить большевиков и меньшевиков: «Мы относимся к Бебелю с величайшим уважением, но когда идет вопрос о том, как на нашей родине побороть царизм и буржуазию, то да будет нам позволено иметь на этот счет свое собственное мнение». В силу этого Ленин был далек от того, чтобы не сознавать, что успех большевизма в русской революции был результатом лишь единственных в своем роде обстоятельств, которые имелись только в России. В письме к швейцарским рабочим перед своим отъездом в Россию он говорит: «Мы отлично знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и классовое его сознание менее развито, чем у рабочих других стран. Не особенность его свойств, но особое стечение исторических обстоятельств превратило русский пролетариат на некоторое, быть может, короткое, время в форпост революционного пролетариата всего мира». Как же объяснить это, если принять во внимание, что Ленин все-таки повел столь чреватую последствиями политику так наз. Третьего Интернационала?

Если не остаться погруженным в этом вопросе в гущу партийных предрассудков, то необходимо иметь ясный взгляд в двух направлениях. Нельзя «путчизм», в который выродился «коммунизм» за пределами России, отождествлять с Лениным, но нельзя в путчизме видеть только путчизм; для этого нужно прежде всего, чтобы у себя самих в соц. — демократической партии не все казалось в розовом свете подлинной революционной жизни. У кого нет глаз и понимания того, что я выше назвал «бездушием» социализма, тот никогда не поймет, что «путчизм» для многих его лучших и идеальных приверженцев, — и это особенно объясняет притягательную силу «коммунизма» у молодежи, — представляет страстную реакцию против этой бездушности. Именно как такую реакцию против революционной атрофии пролетарского социализма следует прежде всего понимать интернациональную деятельность Ленина. Это было гигантское стремление снова пробудить революционный классовый дух, высечь его словно искру из холодного кремня, даже ценой организационного единства

партии, выявляющей лишь показную величину и силу, которых в действительности нет. Если Ленин написал в начале войны в резолюции партии большевиков: «Надеяться создать настоящий социалистический интернационал без окончательного отпадения оппортунистов — значит отдаваться вредным иллюзиям», — то эта мысль дает основной тон всей международной тактике Ленина, которая с той поры, именно с поры несчастного развития германской социал-демократии, все более познается правильной и во многом вне III Интернационала. Рассматриваемая в этом свете, тактика Ленина в деле раскола старой соц. — демократической партии была ошибкой, так как она должна была повести к братоубийственной войне и вообще к разложению пролетарских сил, тогда как цель могла быть достигнута сильной оппозицией в старой партии без такого ее ослабления и путем внутренних преобразований, но это ошибка, которая связана, как всегда у великих людей, с достоинством страстной и стремительной силы новой революционной воли.

Далее, нельзя оставить без внимания, что, несмотря на все различие условий внутри России и вне ее пределов, и даже при том особенно сильном насаждении социал-патриотическими и социал-империалистическими элементами средне- и западноевропейского социализма, надежда на громадную революционную перегруппировку пролетариата, особенно в дни переворотов в Германии, не должна была бы быть лишь иллюзорной. С другой стороны, мы видим только теперь, — когда внутренняя история русской революции стала более ясной, чем это могло быть в бурный период ее первой заграничной пропаганды, — как пролетарская революция, тогда почти задушенная контрреволюционными движениями, созданными Антантой, должна была дожидаться восстания германского пролетариата, как освободителя. Если мы теперь можем точно указать те экономические и политические основания, благодаря которым восстание это не произошло и не могло произойти, то едва ли найдется кто-либо, кто бы мог отрицать, что объединенный пролетариат Германии смог создать такую ситуацию, которая, по крайней мере, не дала бы возможности до такой степени развиться современной реакции, превратившей самый сильный пролетариат в мире в беспомощный фактор в государстве и в социалистическом движении. Мы были правы, называя всегда буржуазных критиков Маркса и Энгельса ничего не понимающими, так как они насмеялись над тем, что эти оба большие революционеры столь часто после 1848 г. предвидели новую, более значительную революцию, которую они ожидали всю свою жизнь. Их теоретическое благоразумие рекомендовало

им терпение, но их революционный пыл увлекал их снова, ибо они были не только холодные исследователи истории, но были и людьми дела с необузданной энергией и сокрушительной волей. Поэтому пусть насмехается над Лениным, над тем, что в нем бурное стремление к мировой революции победило обычную холодную тактику, тот, кто никогда не чувствовал сам в себе подобного стремления, тот, кто всегда имеет терпенье и может выжидать, ибо он ощущает свою значительность лишь в пределах своей самодовольной деятельности.

И вот ответ на вопрос, каким образом такой крупный, быть может, самый значительный до сего времени реалист социал-революционной политики вел такую нереальную политику в отношении социалистического движения вне России: это была прежде всего ошибка в переоценке революционной силы мирового пролетариата, который, благодаря тогдашней слабой осведомленности о мировых событиях, казался ему действительно подготовленным; впрочем, это тогда не он один предполагал вследствие русской пролетарской революции и лихорадочно ускоренного войной возмущения пролетариата во всех других странах. В этом смысле знаменательны его первые слова, после его возвращения из Швейцарии, на родине: «Недалек тот час, когда народы откликнутся на зов нашего товарища Карла Либкнехта и направят свое оружие против эксплуататоров, против капиталистов... В Германии уже все находится в брожении. Не сегодня — завтра, каждый день может наступить катастрофа всего европейского капитализма». Затем была ужасная внутренняя и внешняя опасность русской революции, которая должна была вызывать все новое и новое гигантское напряжение получить пролетарскую революционную помощь извне, пролетарскую выручку осажденной крепости. Это были тяжелые ошибки Ленина, от которых страдает и по сей день социалистическое движение; но именно здесь-то Ленин и был тем человеком, который мог бы их преодолеть, если бы ему не помешала длительная болезнь и преждевременная смерть. Ибо что создало его громадную историческую деятельность? — именно то, что он не был человеком формулы, он не был рабом своей тактики, но обладал поистине беспрецедентной неустранимостью и беспощадностью к себе и к своим приверженцам, если дело касалось изменения тактики. Это он доказал в тяжелые дни поворота революции в вопросе заключения мира с германским империализмом, в отказе от социализации недвижимых имуществ и, под конец, в переходе к НЭП'у — он любил все это называть добродетелью отступления. «Лишь по этому большевики, — так говорил он однажды радикалам, — имели успех, что они беспощадно изгнали всех

революционеров пустой фразы, которые не понимали, что может стать необходимым начать отступление, и что нужно уметь начать это отступление». В другом месте он верно дал свою собственную характеристику, как политика большого масштаба, говоря: «Умен не тот, кто не делает ошибок; таких людей нет и не может быть. Умен тот, кто делает не особенно крупные ошибки и может их быстро и легко исправить». Смерть не дала Ленину времени, которое вообще было слишком коротким, преодолеть эти ошибки, — ведь пяти лет для практического осуществления этой задачи слишком мало, ибо чем были, тем более, эти пять лет, как не дикими судорогами и борьбой за существование вырабатывающейся новой исторической роли пролетариата. Здесь большая задача выпала в виде наследства наследникам Ленина. Да будет она им под силу!

4

В противовес к методам Ленина, можно было бы, конечно, гораздо менее резким путем достигнуть единодушия между социалистическим центром и большевизмом. — Это имело бы для объединения вновь всего пролетариата совершенно неисчислимые последствия, если бы вполне понятное отрицание путчизма с их стороны не проистекало из совершенно немарксистского, чтобы не сказать «лояльного», образа мыслей многих марксистов и при том проводилось ими в жизнь и укрепляло сознание исключительно в пределах легального демократического развития социализма. Это, во всяком случае, не в духе пролетарского классового сознания в понимании Маркса и Энгельса, — и теоретическая заслуга Ленина, несомненно, в том, что он снова с решительностью обратил на это внимание. Он словно снова открыл учение Маркса о классовой борьбе и напомнил о смысле марксистского понимания государства как об организации господства классов, — понимания, превратившегося в пустую фразу; он восполнил это понимание живыми и непосредственными историческими задачами, в которых доказывал, что это определение применимо не только к буржуазному, но и к пролетарскому государству. Понятия: демократия и диктатура получили совершенно новое освещение только благодаря толкованию, что завоевание политической власти пролетариатом в каждом случае — проводится ли оно демократическим путем, или путем захвата — неминуюемо должно вести к диктатуре, ибо только благодаря ей может быть осуществлена классовая воля пролетариата в отношении буржуазии.

Выяснилось, что демократия, пока существует классовое государство, является и будет являться противоречивой формой,

ибо самое демократическое государственное устройство предполагает, что или буржуазные, или пролетарские партии имеют большинство, равновесие их постоянно бывает лишь временным, ибо в непримиримости их экономических тенденций лежит повод к уничтожению этого равновесия при первом удобном случае. Поэтому и демократия означает собою, что большинство господствует над меньшинством, и, когда его положение становится критическим, оно прибегает к диктатуре, к чрезвычайному положению, к военному суду и пр. В демократическом буржуазном государстве и сейчас (и прежде) господствует буржуазная диктатура, точно так же, как в пролетарском государстве будет господствовать диктатура пролетарская. Демократия и диктатура, таким образом, в классовом государстве не являются противоположными понятиями, и речь может идти только о том, чтобы найти предпосылки к диктатуре пролетариата. Будет ли она при том проведена в «демократической» или другой форме, является вопросом несущественным и от воли нашей независимым. При таком освещении исчезает ряд проблем, которые до сих пор разъединяют пролетариат.

«Демократия» более — не принципиальный вопрос, парламентаризм — не место ловли для политической работы, — конечно, при всем этом для западно- и центрально-европейского рабочего класса эти понятия не теряют совершенно исключительного практического значения. Не кто иной, как Ленин, подчеркнул это с особенной резкостью. Он называл долгом «разрушить буржуазно-демократические и парламентские предрассудки» масс, но не для того, чтобы отстраняться от парламента, а, напротив, работать в этом осознании. Ленин никогда не играл в демагогию, говоря рабочим: «Вся власть Советам» или «Необходимо в одну ночь заменить парламентскую систему советской». Надо только прочесть, как он в своей книге «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» осуждает эту тактику германских и австрийских «коммунистов», но отрицание этой демагогии не может отвергать духа политической критики демократии и происходящей благодаря ей легализованности движения, для которого еще Энгельс нашел жестокие слова. Борьба с путчи́змом у одних не должна выродиться в трусость собственного политического мышления, — что приведет к могиле всякое понимание марксистского государственного устройства и пролетарской классовой борьбы. Кто продумает эти оба понятия со всеми условиями классового принципа, — этим мы обязаны точке зрения Маркса, — тот найдет основание, почему Ленина, который впервые осуществил эти особенности понимания, назовут за раскрепощение политической мысли от массы

предрассудков и мнимых задач не в меньшей степени духовным освободителем, чем социалистом. Если кто-нибудь пугается тоги террора, одевающей его фигуру, то пусть тот поучится именно у него, тоги террора, одевающей его фигуру, то пусть тот поучится именно у него, равно как и демократические, ибо они были классовыми движениями, и что если необходимо быть террору, то красный террор все-таки оставляет больше надежды, чем белый, безотносительно от того, что он никогда не бывает столь кровав, как белый.

5

Значение Ленина для России и ее освобождения — ныне исторический и незыблемый факт, не подвергающийся спорам партий и классовых воззрений. Если историческим смыслом каждой революции является дать свободу и простор, уничтожая и отбрасывая пережитые и тормозящие законоположения и формы жизни для дальнейшего развития общества, — то не было более радикальной революции, чем русская, не было более беспощадного уничтожения старого мира, чем через большевизм. Это целиком дело Ленина, который взял в руки могучую инициативу в октябре 1917 года, в тот момент, когда даже его друзья еще колебались; его стихийная смелость, в соединении с упорной и неотступной силой и поразительным дипломатическим искусством, преодолела все опасности революции. Это грандиозное дело имеет значение не только для России: это — часть дела освобождения всего мира. Никогда не забудется современниками и останется в сердцах пролетариев то громадное впечатление, как в октябре 1917 года, когда еще культурный мир находился в кровавых оковах войны, когда всякая надежда на прекращение бедствия была утрачена — особенно после того, как даже героический поступок Фридриха Адлера остался без последствий, — как из Петербурга в это время раздался зажигательный клич: «Ко всем», что русский пролетариат признал войну законченной и пригласил народы к мирным переговорам. И как этот исторический акт являлся действительным духовным освобождением из величайшей безнадежности и отчаяния, так разрушение старой России означало физическое освобождение совершенно неожиданным способом всего мира, с которого, наконец, был сброшен гнет царизма, равно и империализма русской буржуазии, который еще при Милюкове и Керенском мог запятнать русскую революцию новым наступлением в угасающей мировой войне. Конечно, не по вине Ленина не была осуществлена власть пролетариата, — и союз советских республик — не пролетарское

государство в том смысле, что пролетариат является лишь одним господствующим классом. <...>

Если противники русского большевизма, который надо резко отграничить от вне-русского, хотят в этом видеть его банкротство и даже над этим насмежаются, то они вовсе не имеют понятия о различии в строении государства, рожденного из революции и стремящегося к тому, чтобы только сохранить, по возможности, свое первоначальное направление, от государства, в котором вовсе не может быть такого устремления, так как такое государство насквозь контрреволюционно. Пролетариат всего мира, поэтому, никогда не переставал с верным революционным чутьем смотреть на российские советские республики, как на драгоценнейшее и славнейшее достояния пролетарского движения на пути к социализму, как на великий форпост в борьбе против буржуазного капиталистического мира. Цепи, разорванные в России Лениным, были цепями, приготовленными и для нас, и надежды и гор ячее сочувствие мирового пролетариата в том, чтобы дело его было сохранено и мощно развивалось. Поэтому печаль, навеянная его смертью, была велика в пролетариате и соединялась со страхом, ибо одновременно к этому присоединялась боязнь за будущность русской революции. В этом смысле в чувстве каждого пролетария слились воедино — Ленин и дело пролетарской революции.

6

И человек, носивший в себе такое громадное историческое значение, это должно войти в надгробную речь, — оставался простым, скромным, почти по-мужицки живущим пролетарием, жил ли он в бедной лачуге или в царском дворце в Кремле. Он и здесь оставался символом революции: могуче распрямляясь в разрушительной и созидательной своей силе, царственно пренебрегая всей мелочностью и узостью жизни, без претензий к роскоши и оставаясь постоянно скромным в своей жизни. Под этим впечатлением Горький сказал о нем: «Его частная жизнь такова, что в религиозное время из него сотворили бы святого». Человек, который мог бы сделаться русским царем, если бы им руководили личное властолюбие и жажда славы, а не идея социальной революции, умер в комнате прислуги в загородном дворце, из многих комнат которого он хотел жить только в этой. Это не было эффективной игрой, это не была демагогия, наверняка, уже чуждая смертельно больному человеку, — это был инстинкт человека, который иначе не мог поступать, ибо существу большой пролетарской идеологии, которую он исповедовал, для которой он жил,

мог соответствовать только пролетарский образ жизни. Таким был Ленин, — великое единство мысли, поступков и чувств. Дух целого класса, дух пролетариата проносил и образовывал это единство, чтобы благодаря ему сделаться богаче и полным духовной силы. Поэтому Ленин останется жив не только в памяти пролетариата, но и тем более пребудет живым, чем больше пролетариат поймет и выполнит свою историческую задачу, которую Ленин оставил на примере своей жизни.